

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

II, 4

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Н. Н. ПАЛЬМОВ

Астраханские архивы

(Образцы материалов о национальностях)

I. «Индийцы» (индусы) в Астрахани, по данным XVII и XVIII вв., кончая
1743 годом

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Астраханском б. губернском и в Калмыцком областном архивах имеются обширные материалы о представителях различных азиатских национальностей, частью проезжавших через Астрахань в Москву и Петербург с дипломатическими поручениями от своих правительств, частью посещавших Астрахань по коммерческим делам и нередко устраивавшихся в этом городе более или менее прочной оседлостью для того, чтобы было удобнее принимать активное участие в торговых операциях на месте и отсюда сноситься с заграницей.

Имея в виду торговлю в низовьях Волги, В. В. Бартольд уже отметил выдающуюся роль, которая принадлежала в этом случае населению Итиля в X в., Саксина в XII в. и в XIV в. Хаджи-Тархани.¹ Со второй половины XVI в. эта роль переходит к Астрахани, по ее возникновении в 1557 г. сначала как укрепленного пункта, а затем и оживленного торгового города на левом берегу Волги.

Оренбург, с образованием в 1744 г. Оренбургской губернии, в известной мере поколебал прежнее политическое и торговое значение Астрахани на рубеже с Средней Азией.² Но Предкавказье, Кавказ, Закавказье и Персия долго еще не прерывали тесных связей с Астраханью, благодаря удобствам водного пути. Кроме того, Астрахани приходилось считаться

¹ В. В. Бартольд. Очерк истории Туркменского народа, отд. отт., стр. 38—39.

² Он же. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е, 1925, стр. 220.

с заволжскими кочевниками и после 1744 г., да притом еще держать в поле зрения взаимоотношения кочевавших по степям Нижнего Поволжья калмыков с их сородичами — монголами на Д. Востоке и учитывать воздействие на них политики Пекина. Калмыки, до ухода большей их части в Джунгарию в 1771 г., часто вступали в своих интересах в непосредственные соприкосновения с Кубанью и Крымом, состоявшими под протекторатом Турции, — и опять на долю Астрахани выпадала задача наблюдения и предупреждения всяких возможностей.

Настоящая работа касается индусов в Астрахани, обычно называвшихся, хотя и неточно, индейцами. Эта работа является опытом группировки в хронологическом порядке материалов, добытых в результате архивных разысканий в течение, сравнительно, небольшого срока времени. Продолжение тех же разысканий должно будет сопровождаться дополнением наличных данных, новыми фактами, с привлечением к тому и печатной литературы.

XVII ВЕК

Одним из источников астраханской истории служит так называемая «Ключаревская летопись», составленная в конце 20-х или в начале 30-х годов XIX в. ключарем Астраханского собора Кириллом Васильевым, родившимся в 1770 г. и умершим 2 января 1837 г. Ключаревская летопись была напечатана в Астрахани в 1887 г.,¹ но пока еще не получила научного освещения.

В названной летописи, между прочим, сказано, что «в третье лето царствования царя и великого князя Михаила Федоровича² первоначальные явились люди гостинные из Армян, Персиян и Индейцев»; приехав «сухим путем чрез Моздок и степи, по Терку лежащие», они поселились в Астрахани на Садовом бугре.³

В описании путешествия Ф. А. Котова, проезжавшего чрез Астрахань летом 1623 г., упомянуты виденные им здесь «гостинные дворы: Русской, и Бухарской, и Кизилбашской», но почему-то не назван индейский гости-

¹ Сначала она печаталась в Астраханских епархиальных ведомостях за 1887 г., а затем была выпущена отдельной брошюрой в том же 1887 г. Пользуемся экземпляром из библиотеки Астр. арх. Бюро, собранной П. И. Усачевым, заведывающим этим Бюро.

² Следовательно, в 1615—16 г. У М. Рыбушкина, в его Записках об Астрахани. Москва, 1841, на стр. 57 показан 1619 г. Не видно, каким источником руководился Рыбушкин.

³ Ключаревская летопись, стр. 15.

ный двор. Наблюдения Котова показывают бойкую торговлю, производившуюся в Астрахани с азиатами. Свои товары они привозили по Каспийскому морю, но «гилянские бусы», которые Котов видел у «Четырех бугров» на взморье, не входили в устье Волги и бросали якорь у этих бугров: «А в устье и под город под Астрахань бусы не ходят», — пишет Котов, — «стоят на море, с устья едва видать»; тут же он прибавляет: «А товары возят с бус в Астрахань и из Астрахани сандалы и павозки, и оттуда ходят за море на бусах.»¹

О существовании в Астрахани в 1625 г. индейского гостиного двора мы узнаем опять-таки из Ключаревской летописи, где говорится, что в этом именно году, по приказанию воеводы князя Семена Прозоровского, в городе были построены «гостинные дворы: Армянские, Персидские и Индейские — каменные, по обряду Азиатскому, неподалеку от Спасского монастыря.»² Судя по «Списку Астраханских воевод и губернаторов», составленному А. Ф. Миллером,³ князь С. В. Прозоровский состоял в Астрахани воеводой в 1620—1622 гг. 29 мая 1625 г. датируется наказ астраханским воеводам Петру Головину и Алексею Зубову, назначенным на место князя И. Ф. Хованского и Григория Валуева.⁴ Таким образом, если постройка каменных гостиных дворов началась при Прозоровском, то, как видно, она тянулась довольно долго, раз была закончена только в 1625 г. По всей вероятности, к сбору денежных средств на постройку были привлечены и «гости» — армяне, персы, индейцы, но сбор шел туго. Во всяком случае, каменные гостинные дворы строились взамен существовавших перед тем деревянных дворов, которые в 1623 г. видел в Астрахани Котов, и он отметил бы особо, если бы они были не деревянные, а каменные.

Ф. Ф. Шперк, автор брошюры «Индусы в Астрахани»,⁵ догадывается, что первоначально наезжавшие сюда индейцы «все были баниане» и принадлежали «к 3-й касте, или вайшия, т. е. к купцам». Только в начале XIX в. «а может быть и в конце XVIII столетия», — предполагает Шперк, —

¹ М. П.-й. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. ИОРЯС, т. XII кн. I, СПб., 1907, стр. 73—75.

² Ключаревская летопись, стр. 19.

³ Список напечатан в «Памятной книжке Астраханской губ. за 1898 год.» Астрахань 1898, стр. 79—87.

⁴ Акты исторические, т. III, № 134, стр. 210—217.

⁵ Названная брошюра сначала печаталась в газете «Астраханский Листок», в №№ 42, 43, 46, 49 и 52 за 1898 г., а потом в том же году была издана отдельно. Знакомству с нею я обязан П. И. Усачеву.

появились в Астрахани представители касты ремесленников — шудр, к которой относились и монашествующие нищие. Между той и другой кастой существовала «непримиримая вражда».¹ Но едва ли приезд в Астрахань индейцев-ремесленников следует относить к столь, сравнительно, позднему времени, как это казалось Шперку. Надобность в них явилась гораздо раньше. Мы располагаем такими историческими показаниями.

В «Записной книге» Тайного приказа за 1665 г. под 28 января имеется заметка о посылке в Астрахань из Москвы астраханца Лариона Лгова с грамотой к воеводе князю Одоевскому, которою было «велено ему по прежнему и по сему государеву указу... индейцев, мастеровых людей, которые умеют делать киндяки и бязи, по прежнему сыскивать и призывать».² По смыслу грамоты, содержание которой передается в «Записной книге», как будто выходит так, что Одоевский мог найти нужных мастеров даже в Астрахани среди приезжих сюда индейцев, и на его обязанность возлагалось склонить их к переезду в Москву. Производство шелковых и хлопчато-бумажных тканей в самой Астрахани в XVII в. из привозимых сюда с Востока шелка-сырца и из хлопчатой и пряденой бумаги допускает П. Г. Любомиров.³ Само собою разумеется, что специалистами в этом деле были заезжие в Астрахань мастера-ремесленники, от которых могли учиться ткацкому ремеслу уже и русские. Повидимому, наиболее ценились мастера-индейцы; не даром их старались заманить в Москву.

Другой источник указывает на попытку Московского правительства пригласить мастеров-ткачей прямо из Индии. Поручение вступить в необходимые переговоры по этому делу было возложено на «астраханца-торгового человека Щербака Агжу». К какой национальности принадлежал он, этого, к сожалению, невидно, но, должно быть, он, прочно обосновавшийся в Астрахани «торговый человек» и ставший уже «астраханцем», являлся выходцем из какой-нибудь страны, соприкосновенной с Индией, и продолжал поддерживать с ней связи. В той же «Записной книге» под 2 ноября 1665 г. читаем: «Отдан государев указ в Казанский дворец, а велено из того приказу послать его, государеву, грамоту в Астрахань боярину и воеводе ко князю Якову Никитичу Одоевскому, чтоб он, призвав к себе Астраханца

¹ Стр. 41.

² Русская историческая библиотека, т. 21. Дела Тайного приказа, кн. I, СПб., 1907, стлб. 1149.

³ П. Г. Любомиров. Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и первой половине XIX в. Астрахань, 1926. Отд. отг. из журн. «Наш край» за 1926 г., № 2, стр. 1—4.

торгового человека Щербака Агжу, поговорил ему, чтоб он великому государю послужил и порадел: призвал бы в Московское государство индейцов мастеров, которые бы умели на Москве киндяки делать и красить, так ж бы из хлопчатой бумаги делать бязи. А как он таких мастеров призовет, и ему за тое ево службу дать в Астрахани государева жалованья из его государевой казны — соболей на 50 или на 100 рублей; а будет соболей нет, и ему дать против того ж деньгами. А мастеров, которых он, Агжа, призовет, прислать к Москве».¹

Среди «столбцов» XVII в. в Астраханском б. губернском архиве нам встретился документ, относящийся до крещения «во 159 году», или, по нашему летосчислению, в 1651 г., «пз индейской веры» одного лица, названного Иваном. Он получил от казны в подарок: «кафтан камчатной ценою в пять рублей, да сукна Англинского вишневого четыре аршина, да ему же дано денег пять рублей. А крестил ево, индейца, боярин и воевода князь Михаил Петрович Пронской», который и взял его с собою в Москву.² Подарки из казны индейцу и особое внимание к нему Пронского показывают, что это был какой-то нужный человек, а то обстоятельство, что воевода поехал с ним в Москву, едва ли не указывает на принадлежность крещеного индейца к числу искусных мастеров текстильного дела, в которых нуждалась Москва, почему положение индейца могло считаться там заранее уже обеспеченным.

Ф. Ф. Шперк констатирует непримиримую вражду в Астрахани между индейскими купцами и ремесленниками. Такая вражда естественно должна была возникнуть с развитием ткацкой промышленности, за которую взялись в Астрахани армяне. Указом от 17 сентября 1740 г. было удовлетворено ходатайство компании армян открыть в Астрахани, в добавок к существовавшему уже у них шелковому заводу, «фабрику персидских всяких парчей, шелковую, полушелковую, бумажную и пр.» Правда, в 1746 г. армяне нашли более выгодным для себя перевести предприятие в Москву, присоединить его к тамошней шелковой фабрике и тем расширить текстильное производство. Но в Астрахани являются новые предприниматели, и с 1750 г. открываются новые «фабрики» мануфактуры, а в 1763 г. их насчитывается уже 8, причем они вырабатывают ткани в восточном вкусе, недорогие по цене, с расчетом на широкий сбыт их в самой Астрахани и, может быть, еще больше среди аульных татар, киргизов и калмыков, интересовавшихся

¹ «Русская историческая библиотека», цит. выше, столб. 1124—1125.

² Условно столбец отмечен «e¹».

полушелковыми и бумажными недорогими тканями.¹ Развитие текстильной промышленности в самой Астрахани подрывало торговлю привозными тканями, а так как на индейцев-ремесленников «фабрики» всегда имели спрос и труд их хорошо оплачивался, почему они охотно принимали предложения фабрикантов работать на выгодных условиях и старались содействовать успеху предприятий, индейским же купцам это было совсем не интересно, то отсюда и возникает «непримиримая вражда» между индейцами-ремесленниками и купцами.

По данным П. Г. Любомирова, ткацкая промышленность Астрахани в 80-х годах XVIII столетия дошла уже до «границы роста»,² с начала XIX столетия она стала падать все быстрее и быстрее.³ Свою роль сыграли здесь и индейские купцы. Они продавали фабрикантам шелк и хлопчатую бумагу по возвышенным ценам, а сами покупали изделия тех же фабрикантов по пониженным ценам. Для розничной продажи этих изделий они пользовались услугами мелких торгашей из татар и русских, которые разъезжали по городам, селам и по степи, распродавая товары и делясь с своими доверителями третью прибыли или выплачивая им заранее обусловленную сумму. Фабриканты разорялись, ликвидировали свои предприятия; ремесленники лишались заработка. Ремесленников-индейцев должен был особенно возмущать процесс быстрого обогащения купцов, и «непримиримая вражда» к ним должна была приобретать крайнюю остроту.

Скопив капитал, индейцы-купцы переставали заниматься торговлей и превращались в ростовщиков. За ссуду деньгами они взимали от 2 до 4 процентов в месяц.⁴ Кроме того, они промышленяли сбытом в Персию золотой валюты, в особенности — петровских серебряных рублевиков. Эта нелегальная операция доставляла им от 20 до 30 процентов прибыли.⁵ Потом с крупными капиталами в руках они уезжали из Астрахани.

Но еще раз обратимся к документам XVII в.

¹ П. Г. Любомиров, цит. ст., стр. 4—5.

² Цит. изд., стр. 16.

³ Там же, стр. 18.

⁴ В своем месте мы постараемся изложить суть двух весьма характерных дел Калм. обл. архива: от 1792 г. № 651 о взыскании индейским купцом Асанатом долгов с калмыков по заемным их письмам с 1782 г. на 46 л., и от 1793 г. № 674 о подобном же взыскании долгов с калмыков с 1781 г. индейским купцом Матомаловым и бухарским купцом Ханбовым, на 259 л.

⁵ Ф. Ф. Шперк, цит. изд., стр. 25—26.

От 12 апреля 1673 г. имеется «память» астраханскому воеводе князю Я. Н. Одоевскому — озаботиться постройкой в Астрахани нового гостиного двора «для приезде и торгу иноземцем, для Астраханских жителей и товарные кладки и торговли». В том же «Белом городе», где торговали русские купцы, велено было поставить «лавки и погребы и построить рядами» для того, чтобы «как учнут приезжать с товары иноземцы: Гилянцы, и Бухарцы, и Индейцы, — и их ставить на том дворе и товары всякие велеть класть в лавки.» Те же удобства предоставлялись и наличным «Астраханским жильцом: Тезиком, и Бухарцом, и Индейцом», — они тоже получали право «товары свои класть в те ж лавки»; держать товары и торговать ими «окромя того двора» было категорически запрещено.¹ Но, кажется, правительство особенно было озабочено привлечением в Астрахань купцов из армян: преимуществ Армянской торговой компании касаются три грамоты Одоевскому от 20 июня 1673 г.²

XVIII ВЕК

1. 15 января 1727 г. астраханский губернатор г.-м. И. А. фон-Менгден разбирает дело по иску индейцев Кивалрама Лячиримова, Карамчана Васуева, Жирамдаса Дамдарова, Хошала Мулаева и Перу Жадумова к жителям Бухарского двора Асану и Усеину Инакбаевым, которые взяли у них в 1724 и 1725 гг. в долг 622 руб. 75 коп. с обязательством уплатить их в установленный срок, но не выполнили этого обязательства, а это надо было сделать, по условию, еще в 1725 г., «как приедут из Москвы Артабазаринские татары». В свое оправдание бухарцы говорили, что они к назначенному сроку «в Астрахань в Артабазарной станице не прибыли для того, что де покупные свои лошади продали они в Москве в великой наклад и из Москвы де поехав, были для собрания долга в Калмыцких улусех, и торговали с Нагайцы, и купили у них 57 серег одинаких жемчужных, кольца золотые Калмыцкой руки, которые у них грабежом взяли Донские казаки, из которых у тех казаков отыскано 52 серыги, а 5 серег еще не отыскано, о которых ныне оными грабителями по сему делу следует.» Менгден определил: «ответчиков Бухарян Асана да Усеина, Инакбаевых детей, обвинить, а челобитчиков — индейцев Кивалрама Лячиримова с товарищи оправить. И приказал о присылке ценовщиков, иностранных разных

¹ Дополнения к Актам историческим, VI, № 72, стр. 272—274.

² Там же, № 80, стр. 286—289.

купецких людей для оценки вышеписанных жемчужных серег, которые б могли ведать тем серьгам надлежащую цену, послать в Астраханской магистрат промеморию. И как те жемчужные серьги оценены будут, тогда их, по оценке, отдать в платеж за вышеописанные долговые деньги челобитчиком Индейцом Кивалтраму Лячирамову с товарищи по расположению с роспискамп. А ежели за оценкою тех серег в истцов иск и по расположению в прибыльные деньги и в платеж пошлин чего не достанет, и тот их иск и пошлины править на ответчиках Асане да Усеине, Инакбаевых детях. А ежели они, ответчики, достального иску и пошлин платить не будут, и за тот неоплатный иск и за пошлины их, ответчиков, сослать для зарабатывания в галерную работу по указу».¹

2. Того же 15 января 1727 г. рассмотрению Менгдена подлежало довольно сложное дело по иску индейца Чандырбана Капичандова, предъявленному им к тифлисскому армянину Асатуру Агасьеву на сумму в 600 рублей. Собственно, эти деньги были взяты взаймы у Чандырбана Капичандова не самим Асатуром Агасьевым, а его шурином Мелькуном Багьевым, но заимодавец стал судиться с Агасьевым, как с наследником Багьева. Обстоятельства дела рисуются в таких чертах: «1. В прошлом де 732 году», читаем в протокольном изложении тяжбы, — «будучи в городе Тевризе, Тифлисской житель, армянин Мелкун Багьев занял у Индейца у Марвари Ражарамова персидских денег 600 рублей и в займе де помянутых денег дал он, Мелкун, по тамошнему обыкновению, своеручное письмо, а в том же письме написал он, Мелкун, что заплатит те деньги в Астрахани ему, челобитчику Чандырбану, Российскими деньгами с наддачею, как дается в купечестве, и, не заплатя де тех денег, он, Мелкун, умре.

«2. И в прошлом де 723 году из Тифлиса прислан из ево, Мелкунова, дому вышеписанной армянин Асатур для разобранья после упомянутого умершего есяких пожитков и товаров и для счету других умершего приказиков и, по прибытии в Астрахань, он Асатур, ево де, Мелкуновы, оставшие товары и всякие пожитки взял к себе.

«3. И как де он, Асатур, ево, Мелкуновы, товары взял себе, и он же, челобитчик Чандырбан, к нему, Асатуру, приходил неоднократно, и вышепоказанных долговых денег за умершего Мелкуна у него, Асатура, требовал, которые деньги он, Асатур, за него, Мелкуна, обещал ему, челобит-

¹ АГА, «Протокол записанным приговорам о всяких ее и. в. делех», с 1 января по 1 мая 1727 г., лл. 14—15.

чику, заплатить и, не заплатя тех денег, уехал в Гилян. И из Гиляни де, по челобитью вышеупомянутого займодавца родственника ево, индейца Чандраина, он, Асатур, прислан в Астрахань. И из Астрахани же в прошлом же 723 году в июне месяце паки он, Асатур, не резделався с ним, челобитчиком, утаясь, уехал за моря и, по словесному ево, челобитчикову, челобитью, из Ярской пристани возвращен вторично в Астрахань», где и должен был отвечать пред судом.

Асатур объяснил, что из товаров и пожитков Мелькуна, проданных за 500 рублей, он «уплатил в таможенную пошлину и долгу разных чинов людям 498 рублей со излишеством», остальные же товары и пожитки Мелькуна, равно как и конторские его книги отобрал, «приехав из Грузии в Астрахань царя Вахтанга Леоновича сын его, Бакар, у него, Асатура, сплю», причем выдал ему грузинское письмо за печатью, которое в переводе гласило: «Пожаловал сие письмо Бакар-хан крестьянину своему Тифлиского уезду, Асатуру Агасыеву. Крестьянин мой, Мелкун Балеев умре бездетен. И пожитки ево спрашивал, и долгов на нем было много. И долгодавцы пожитки попалам разделили было, а что пожитков ево осталось, все я взял, понеже наследников не было. А до Асатура никому дела нет. А где на Мелкуне долги будут, то б при мне брать, а чьих с ним счету есть или на нем будут, то б при нем просили».

Выслушав объяснение Асатура и возражения Чандырбана, Менгден постановил: ответчика Асатура, по его «неправым отговоркам, обвинить, а челобитчика Чандырбана, оправить». Что касается товаров и пожитков Мелькуна, взятых царевичем Бакаром, то относительно этого предоставлялось «ведеться ему, Асатуру, с ним, Бакаром, самому».¹

Асатур не мог заплатить долга. Поэтому 31 августа 1727 г. он был приговорен к ссылке «на Яик в Гурьев городок к рыбным промыслам», сроком на 47 лет и 9 месяцев; сверх того, он должен был отработать еще полгода в покрытие судебных пошлин по делу. Однако, 13 сентября Чандырбан отказался от взыскания долга, почему решение было отменено в части, касавшейся 600 рублей, и 20 сентября было постановлено взыскать с Асатура только судебные пошлины в пользу казны, под угрозой ссылки на те же Гурьевские рыболовные промысла «на полгода и на один месяц» в случае неуплаты.²

¹ Там же, лл. 15 об., 18.

² АГА. Книга приговоров за сентябрьскую треть 1727 г., лл. 36 об., 37.

3. 28 февраля 1727 г. Менгден решает дело в пользу индейца Карамчана Васуева, заявившего претензию на дворовые строения жителя Гилянского двора Стоймам-Кули Аузева: «В 726 году марта 28 дня вышеписанной ответчик Стоймам-Кули с сыном своим Ниязом заняли у него, челобитчика, денег вообще 62 рубли до срока, оного же 726 году июля до 9 числа. И в тех де заемных деньгах они, заемщики, заложили ему двор свой на Гилянском дворе, и в том де дали ему, челобитчику, в Астрахани от крепостных дел заемное письмо в такой силе: ежели они, заемщики, на вышеписанной срок тех денег не заплатят, и тем закладным двором владеть ему, челобитчику, о чем и в закладной о том написано именно». Должники смогли уплатить в срок только 26 рублей, которые вручили Васуеву «при свидетелях: при Индейском компанейщике Гулабре да Гилянского двора при жителе Абдулвайте».¹

Приведенные документы, как и некоторые из нижеследующих, показывают, что индейцы стали заниматься ростовщичеством в Астрахани гораздо раньше, чем конец XVIII и начало XIX вв.

4. В 1727 г. велось большое дело о пожитках умершего индейца Ругната. Это был один из крупных коммерсантов. Он умер в Астрахани, повидимому, в 1719 г., потому что в этом году, за отсутствием наследников у Ругната, его имущество было опечатано бригадиром К. И. Эваницким, состоявшим в должности астраханского обер-коменданта только в течение указанного 1719 г.² В 1722 г. Петр I, в бытность свою в Астрахани, «в квартире генерала-адмирала и кавалера графа Федора Матвеевича Апраксина, при присутствии ево, генерала-адмирала, також и Астраханского прежде бывшего губернатора Волынского,³ указал пожитки индейца Ругната, который умре, за спором впоследствии от бригадира Эваницкого и капитана от гвардии Богдана Скорнякова-Писарева, распечатав, отдать индейцам Амбураму Мулину с товарищи и об оных, кому они надлежат, учинить им самим определение по их обыкновению, о чем ему, Амбураму с товарищи, дан же с прочетом указ». Передача пожитков Ругната Амбураму Мулину состоялась при генерал-авдиторе И. В. Кикине.⁴

¹ АГА. Протокол записанным приговорам, цит. в прим. 23, лл. 62 об., 63.

² Н. Пальмов. Этюды по истории Приволжских калмыков, ч. III—IV. Астрахань 1929, стр. 44.

³ А. П. Волынский был в Астрахани губернатором с 1719 по 1725 г.

⁴ И. В. Кикин являлся ближайшим помощником Волынского; он приехал в Астрахань 17 ноября 1719 г. и умер 13 сентября 1723 г. «Этюд», цит. выше, примеч. 8 на стр. 44.

Пока Амбурам Мулин был жив, он сам оберегал имущество Ругната, дожидаясь приезда в Астрахань брата Ругната, законного наследника, Бамбы, причем отстранил прикащика Венидаса Ситалиева, хотя Ругнат и поручил ему ведать имуществом впредь до приезда Бамбы. При смерти, Амбурам передал свои права племяннику Небачу. Но новокрещеный индеец Федор Федоров, еще и раньше домогавшийся получить в свои руки заведывание имуществом Ругната и поддерживаемый Венидасом¹ Ситалиевым, теперь, по смерти Амбурама, подал челобитную в сенат. Челобитная была принята во внимание, и из сената 22 ноября 1726 г. был послан в Астрахань указ о понуждении индейских компанейщиков к немедленному решению относительно имущества Ругната, «по их обыкновению и закону, чтоб впредь от новокрещенного индейца Федора Федорова о том челобитья не было». Указ был объявлен компанейщикам. Они, «разделясь на три компании, учинили определение не единогласное, а именно: первой Тарачан Байсирамов с товарищи 39 человек написали: вышеписанному де новокрещенному Федору Федорову пожитки Ругнатовы не определяют для того, что он, Федор, ему, Ругнату, не в родстве. Также и прикащику Ругнатову, индейцу Ванедасу, (которому хотя Ругнат при смерти пожитки на сохранение до брата своего родного Бамбу, который в Индии, приказал отдать), за непорядочное житие и за безумие не определяют же, а определяют быть в сохранении, до приезда помянутого Бамбы, Амбурамову племяннику Небачу. Второй компании Джударам Барва с товарищи 49 человек написали: определяют они по сочиненному прежде бывшим компанейщиком Амбурамом Мулиным с товарищи в прошлом 722 году против вышеописанного именного указу определению. А он, Федор, брат ли ему, Ругнату, был или племянник, — не знают. А во оном, прежде сочиненном определении о реченных Ругнатовых пожитках какое определение учинено, — того не написано, токмо написано: впредь, ежели какому Индейцу смерть случится, — о тех по тому определению чинить. Третьей компании Байсирям Хирбатов с товарищи 10 человек написали: ныне де надлежит те пожитки помянутому Федору Федорову и прикащику Венидасу отдать. Из одной же компании два человека Индейца: Абичант до Тара показали, что подлинно Федор Федоров был Ругнату двоюродный брат и родился он, Федор, от Индейца Ламы, который был Ругнатову отцу Кокую родной брат».

¹ Пишется и Венидас, и Вивидас, и Ведидас. Вообще, передача собственных одних и тех же имен неустойчива в наших документах.

Заслушав весь этот материал по делу об имуществе индейца Ругната, Менгден 21 апреля 1727 г. приказал: «ныне всех Индейцов паки понудить, чтоб они подали за своими руками, по своему закону и обыкновению, подлинное определение, кому ныне те Ругнатовы пожитки отдать определяют — новокрещену Федору Федорову, или индейцу Винидасу, или Амбурамову племяннику Небачу в сохранение до прибытия прямого наследника». При этом губернатор распорядился: «А индейцом Нату и Суханду Дерлецевым и Дживану Неалуеву, на которых показал новокрещенной Федор Федоров подозрение такое, что Нат и Суханд с бывшим компанейщиком Амбурамом Мулиным имели между собою великую дружбу и согласие, и вместо ево, Амбурама, в случающих делах ответствовали, понеже Амбурам Российского языку не много знал, а оные, Нат и Суханд не токмо языку, но и письмо Российское знают, а Дживан Неалуев свидетельствовал о приказе Ругнатовом о пожитках одному прикащику Винидасу лживо, для того с ними, Индейцами, во оном совете не быть».¹

21 ноября² того же 1727 г. Менгден обсуждал определения, представленные ему от каждой из трех компаний Индейских купцов в Астрахани. Участники первой компании «Таранчад Басирамов с товарищи 35 человек написали: по закону де их и обыкновению, отдается всякое имение после умерших в род ближнему и по приказам хозяйским. А Индеец Ругнат при смерти своей приказал свои пожитки отдать брату своему родному, индейцу Бамбу Кокуеву, которой живет и поныне в Индии, а до приезда Бамбы в сохранении тем своим пожиткам приказал быть у прикащика своего Индейца Ведидаса Ситалиева, которой свой приказ объявил он, Ругнат, индейцу Дживану Неалуеву. А в прошлом де 722 году получил оной компанейщик Амбурам, по делу реченного умершего Индейца Ругната в пожитках, именной е. и. в. указ, чтобы определение о пожитках, оставших после умерших индейцев, чинить им по своему обыкновению и закону. И по оному указу, он, Амбурам, по закону всею их компаниею сочинили впредь о умерших письмо и подписали своеручно. А они де ныне о пожитках после Ругната в сохранение, по приказу ево, Ругнатову, прикащику ево Винидасу отдать не определяют и зело опасны, чего б от правдивого Ругнатового наследника, от брата ево родново Бамбы и от наследников ево, на них и на наследниках их не взыскалось для того,

¹ АГА. Протокол записанным приговорам, цит. в прим. 23, мл. 129 об., 130 об.

² Число и месяц нуждаются в проверке.

что он, Венидас, от непорядочного своего житья пришел в безумство, и был в великом безумии многое время. Да он же, Венидас, сообщаясь с вышеописанным бывшим Индейцом Федором Федоровым, сочинили самовольно, по смерти хозяина своего, торговые книги Ругнатовым имеющимися в купечестве и оного Венидаса пожиткам на своих обоих имена и написали оба себя прикащиками ложно, якобы помянутого брата ево, Ругнатова, Индейца Бамбы Кокуева, которой и в Астрахани еще не бывал. Да он же, Венидас, с Федором из тех пожитков растеряли многое число. Також оба с ним, Наратоном,¹ о тех пожитках подавали челобитные. Из за оное ево, Венидасово, безумие и продерзость бывшей их компанейщик Амбурам те Ругнатовы пожитки ему, Венидасу, отдать не определил, а иметь оные пожитки в сохранении до приезде вышереченного Ругнатова Бамбы (или кому он письмом своим прикажет отдать) у себя. А по смерти своей, он, Амбурам, отдал под охранение племяннику своему Небачу, которые у него, також и помянутой прикащик Венидас, и поныне имеются. А вышепоименованному челобитчику Федору отдать Ругнатовы пожитки не подлежит, и ему, Федору, до того дела нет для того, что он, Федор, ему Ругнату, не в родстве, и при смерти своей оной Ругнат ему отказал, на что он и сам говорил, что до ево, Ругнатовых, пожитков, дела нет. Да он же, Федор, в сказках и челобитных, которые в подлинном деле, писался Ругнату братом глухо, а потом — двоюродным же братом, а в сказке под лишением живота объявил себе, яко бы Ругнату он — племянник, и будто он родился от роднова Ругнатова брата Лаганда, которого брата у него, Ругната, и не бывало, а в книгах написал себя, яко бы он — прикащик от брата ево, Ругнатова, Бамбы. И оное все объявил ложь. Федор, быв в Индейском законе, назывался с умершим Ругнатом одним прозванием просто, а не братом и не племянником. И жил с Ругнатом при животе ево, Ругнатове, не в одной лавке. Тако ж и в Индии жил с ним, Ругнатом, не в одном городе и провинции, но в разных. И книг таких об общем их житье не имеется ж. Да он же, Федор, в прошлых годах объявил своеручным письмом на облыгание свое во всем винна, и, будто, во всем ево учил Индеец Мату, которое письмо, по смерти Амбурамовой, осталось у племянника ево, Небачу, и ныне имеется. А ныне де они, по своему рассуждению, определяют те пожитки в сохранении быть, по прежнему, у оного

¹ Так именовался Федор Федоров раньше, состоя в «Индейском законе»; может быть он носил тогда еще и другое имя Мамидас; см. ниже.

Небачи до приезде в Астрахань показанного брата Бамбы, или до присылки о оных пожитках от него письменной отповеди.

«А в переводе с писем, которые взяты против вышеописанного определения, написано, а именно: в сочиненном им, Амбурамом Мулиным, со всеми Индейцами в прошлом 722 году о умерших их пожитков определении написано: «Какому индейцу смерть случится, а наследник будет в лицах, то хозяин — сам, как хочет. А когда наследника в лицах не будет, то как хозяин сам в своей руке напишет, то так и учинить. А ежели сам своею рукой не пишет, а прикажет словесно, то Индейцам и учинить так». Да в переводном же письме, которое он, Федор, дал Амбураму Мулину, написано: «Я де-житель Фатепурской, а Ругнат — житель Мелсового города. В Астрахани он, Ругнат, при смерти своей приказал пожитки свои брату своему Бамбу, который — в Индии; а до приезде его, в сохранении прикащику Венидасу, (а) в которых де местах и руки приложил, то все по научению Индейца Мату».

«И на оное письмо он, Федор, челобитною своею показал: оное де письмо дал он главному компанейскому Амбураму, будучи под караулом в Губернской канцелярии под неволею, что сидел он под караулом тогда в колодке и работал с прочими колодники всякие работы, и землю носил, яко бы подозрительной человек, и морили в тюрьме голодной смертью для того, чтоб оное письмо показанному Амбураму дал. А оное письмо писал он по повелению и по словам Амбурама с товарищи.

«Да второй компании Джударам Барва с товарищи 49 человек определение написали: по своему де закону, и правам, и обыкновению, показанные Ругнатовы пожитки определили отдать в сохранение вышеявленному прикащику Ругнатову, Венидасу Саталиеву, а у Индейца Небачи, чтоб оные пожитки, взять, понеже ему, Небаче, до тех пожитков дела нет, потому что он умершему Ругнату не в родстве, и Ругнат ему, Небаче, и бывшему дяде его, Амбураму, в сохранение их не приказывал. А вышеявленным челобитчик Федор, после смерти показанного Ругната, с вышеявленным прикащиком Венидасом жил в его, Ругнатовой, лавке вместе, и купечество они отправляли вообще ж. Того ради, по закону их, с ним, Федором, надлежит в Ругнатовых пожитках вышеявленному Венидасу ведаться по своей воле самому. А он де, Федор, брат ли ему, Ругнату, был или племянник, не знают; токмо они с Ругнатом как родства, так и прозвания единого.

«Третьей компании Байсирам Хирбатов с товарищи 10 человек написали: определяют де они оставшие пожитки умершего Индейца Ругната, по своему Индейскому закону и правам, в сохранение отдать челобитчику Федору Федорову да прикащику Венидасу для того: как Ругнат умер, остались они и после Ругната сидели в лавке ево, Ругнатовой, и торговали вместе. А он де, Федор, брат ли ему, Ругнату, был или племянник, не знают; токмо он родства, как и прозвания единого.

«Да из оных же 10 человек Индейцев два человека показали, что подлинно он, Федор, был Ругнату двоюродной брат, и родился он, Федор, от Индейца Лалы, которой был Ругнатову отцу, Кокою, родной брат. А Амбурамов] племянник Небачу Чажцев к делу объявил сочиненные по смерти реченного Индейца Ругната прикащиком Венидасом общие с показанным новокрещенным Федором Федоровым торговые три книги, которые писаны рукою ево, Венидасовою. А по переводу в них написано: оные де книги приходные и расходные учинили в Астрахани Индейцы Бамбу-Мала-Садана прикащики Венидас да Наротон (который по крещении Федор).

«Да он же, прикащик Венидас, в допросе сказал: реченной де новокрещенной Индеец Федор с бывшим хозяином ево — родства одного, а брат ли, или инак как ему, Ругнату, он, Федор, в родстве, о том он подлинно не знает, и от хозяина своего о том не слышал; токмо помянутой хозяин [ево до смерти своей ему, Федору, давал из своего кошта для пропитания харч, а товару своего ничего ему не давал. А сидел он, Федор, не с ним, Ругнатов, в одной лавке, — в другой; а чего ради давал ему корм, о том он от хозяина своего, Ругната, не слышал. А по смерти одного хозяина своего, принял он ево, Федора, к себе и сочинил вышепоказанные торговые книги обще на имя ево, Федора Федорова, и на свое — прикащиками хозяина своего, Ругната, брата Бамбы, — он сам собою, а не по приказу хозяина своего Ругната того ради, чтоб был ему он в продаже товару товарищем, и ответ ему, Бамбе, отдать бы ему с ним, Федором, обще. И с ним, Федором, в одной лавке он сидел и товар хозяина своего продавал по своей воле, а не по чьему приказу. А ныне ево, Федора, он к сохранению бывшего хозяина своего Ругната пожиткам до приезде брата ево, Ругнатова, Бамбы в товарищи не принимает, а подозрения за ним, Федором, никакого он не знает».

Менгден положил в основу своего решения по делу Ругната такого рода соображения: «Реченые компанейщики объявили по закону своему

и обыкновению, чего ради, для вещего на то изъяснения учиненное по своему законное определение приобщили, что оставшие пожитки после хозяев своих отдаются, до подлинного наследника, прикащиком их; а первая компания, Тарочанд с товарищи 45 человек показали, якобы Амбурам, приняв пожитки за вышепоказанным подозрением (к) прикащику Венидасу, определение не учинил, — и тако они ему, Венидасу, того ради не определяют же. А такого об нем, Венидасе, определения явного письменного у них не имеется. И взял он, Амбурам, такие пожитки к себе, також и по смерти своей приказал племяннику своему Небачу своевольно, чего было ему, Амбураму, по состоявшемуся именному указу, без определения и их определения, по их правам, у себя держать и племяннику приказывать не надлежало, а надлежало отдать прикащику ево Венидасу, понеже в правах их Индейских явствует именно, что ежели ближнего наследника не будет, отдавать такие после умерших пожитки тому, кому тот хозяин при смерти своей прикажет. А он, Амбурам, учинил противно своим правам, и удержал их у себя, и после смерти вручил племяннику своему, чего ему, по своим Индейским правам, и делать не надлежало. А по именному е. и. в. указу, надлежало б учинять определение, по обыкновению и правам своим, в немедленном времени и отдать их тому, кому самой наследник и умершей, чьи были пожитки, вверил, как гласит в их Индейских правах о том ясно. А другая и третья компания, в которой против первой компании более голосов, определяют отдать ему, Венидасу, и подозрения никакого на него не показали, и что в тех пожитках ведаться ему, Венидасу, с Федором по своей воле». Отсюда — первое решение губернатора: «по закону их Индейскому, и правами, и обыкновениям, оные пожитки надлежит отдать прикащику Венидасу».

Относительно Федора Федорова все индейцы показали «что он, Федор с Ругнатом — одного родства и прозвания, а из них два человека показали, что он подлинно был тому Ругнату двоюродной брат», о чем свидетельствовал и Венидас, когда говорил, что «Ругнат при жизни своей ему, Федору, давал пищу». Из этого видно, что «он, Федор, был ему Ругнату, сродник, а реченной Амбурам ево от наследства отрешил». Точно так же Амбурам «и тому, которому те пожитки были от Ругната и приказаны, а именно реченному Венидасу, не определил, хотясь теми пожитками сам себе завладеть». Из этого вытекает второе решение Менгдена: «у реченного Амбурамова племянника Небачу Чаржцева оные пожитки взять и отдать помянутому Ругнатову прикащику Венидасу, обще с Федором Федоровым

в сохранение до приезде помянутого наследника Бамбы и до указа высокого сената, и велеть им, Федору и Венидасу, тем пожиткам между собою учинить книги, и торговать им по прежнему, и записывать в те книги, как обыкновение купеческое, приход и расход, и прибыль, токмо внящее смотреть им между собою, чтоб из тех пожитков кто какой траты напрасно не учинил». Экстракт из дела, вместе с копиями именного указа 1722 г. и «прав Индейских», направлялся в сенат.¹

Сделаем некоторые замечания по поводу дела Ругната. Оно заслуживает внимания во многих отношениях. В нем, между прочим, можно найти указание на наличие довольно значительных торговых операций, которые велись в Астрахани в первой четверти XVIII в. индейскими коммерсантами, успешными к тому времени организовать в три торговые компании — настолько мощные, что если не все, то, по крайней мере, наиболее крупные компанейщики, свободно располагая денежными средствами, могли отдавать избыток их в рост. Численный состав компаний также становится известным. Требуется выяснения вопрос, чем было обусловлено распределение индейских коммерсантов по трем компаниям: принадлежностью ли их к определенной территории в Индии — землячеством, различием ли видов товара, продававшего оптом, или какими-нибудь другими причинами. Каждый владелец предприятия имеет прикащика в лавке и ведет торговые книги для записи и расхода товаров, покушных и продажных цен, а также и полученной прибыли. В своих торговых операциях он самостоятелен, но группа подобных ему коммерсантов нуждается в объединении на почве общих интересов торговли. Компании, в свою очередь, поддерживают связь друг с другом. Они имеют главного старшину, собираются на совещания и в делах, которые могли касаться всех, вырабатывают обязательные постановления. Поступок Амбурама был своевольным, и компанейщики, вероятно, склонны были смотреть на него сначала как на частное дело, не требовавшее обязательного их вмешательства, но им пришлось выполнить в своем решении норму принципиального характера относительно наследства умерших индейцев, когда Федор Федоров пожаловался на обиду в сенат. Менгден находил, что Амбурам принял на себя опеку над имуществом Ругната в целях извлечь из этого личные выгоды. Роль всех действующих лиц в начальном периоде данного имущественного процесса, для разрешения

¹ АГА. Книга приговоров Астраханского губернатора И. А. ф.-Менгдена за сентябрь — декабрь 1727 г., л.л. 192—197.

которого понадобилась справка в индейских законах, положенных в основу общего определения о наследстве умерших индейцев, — эта роль стала бы, вероятно, яснее, если бы исследователь познакомился с челобитной Федора Федорова, поданной им в сенат. Относительно самого этого крещеного индейца два компанейщика говорили, что он — сын Лалы, приходившегося родным братом Кокую, отцу Ругната. Другие компанейщики обращали внимание на слова самого Федора Федорова, будто отцом его был Лаганда, брат Ругната, и утверждали, что такого брата у Ругната не было. «В индейском законе» Федор Федоров именовался Наротоном. Из описания дел б. Астраханской консистории извлекаем сведение о челобитной астраханского жителя индейца Мампидаса Лалаева, в августе 1721 г., просившего его окрестить его, — просьба была удовлетворена.¹ Если индеец Лалаев имел два имени Наротон-Малидас, то сведение от 1721 г. должно будет касаться Федора Федорова. В 1719 г. астраханская администрация, вступившая в спор об имуществе Ругната и, в конце концов, оказавшаяся в недоумении относительно дальнейших своих действий, не нашла иного выхода из затруднительного положения, как опечатать это имущество. Под печатями оно находилось до приезда Петра I в Астрахань в 1722 г. Петр провел в Астрахани несколько дней: в первый раз, по пути в Дербент, он прожил в Астрахани с 15 июня по 18 июля и во второй раз на обратном пути из Дербента, с 4 октября по 5 ноября.² Астраханский историк Н. Ф. Леонтьев в свое время отметил, что и в первый свой приезд в Астрахань Петр «разговаривал с индейскими, персидскими и русскими купцами об их торговле», причем с большою подробностью расспрашивал индейцев о пути в их отечество; во второй приезд, собирая сведения о богатой Персидской провинции Гиляни, Петр нередко обращался с вопросами о ней к знающим купцам, «между которыми был живший тогда в Астрахани индейский купец, по имени баниан Абдурам»,³ конечно — тот самый

¹ Описание дел, хранящихся в архиве Астраханской духовной консистории, не оконченное изданием, № 765, стр. 620.

² Эти даты основаны, как видно из статьи В. В. Бартольда «К вопросу о происхождении Дербентнамэ» в Иран, I, 1927, стр. 43—44, на «походном журнале 1722 г.» СПб., 1865. На показание «Дневника пребывания е. и. в. г-ря Петра I», в перепечатке из «Астраханских губ. ведомостей» за 1847 г., № 4, в «Астраханском сборнике, издаваемом Петровским общ. исследователей Астраханского края, вып. I, Астрахань, 1896, стр. 247—249, будто Петр в первый раз приехал в Астрахань 19 июня, мы смотрим как на опечатку.

³ Н. Ф. Леонтьев. «О значении Петра Великого для России вообще и, в частности, для Астраханского края. Астрахань, 1873», стр. 36 и 40—41

Амбурам, который фигурирует в наших документах. Не известно, в какое из этих двух посещений Астрахани Петр предоставил торговавшим там индейским компанейщикам право самим разбираться во внутренних своих делах. Но по документам видно, что такое право было дано им в связи с делом Ругната, предложенным вниманию царя. Именным его указом руководился в 1726 г. сенат, когда побуждал астраханского губернатора энергичнее воздействовать на индейских компанейщиков в требовании от них такого решения, которое не заставляло бы Федора Федорова подавать в сенат новую жалобу; сенат как бы остраивался от прямого вмешательства во внутренние дела индейских компанейщиков, а губернатору определял положение наблюдателя за выполнением необходимых в данном случае формальностей. Так и понял свою роль Менгден, — в спорном деле он никого не «осудил» и не «оправил», а только склонился лишь к такому его решению, какое казалось ему наиболее правильным; окончательное суждение он предоставлял высшей инстанции, — самому сенату. Отношение правительства к делу Ругната 1722 и 1726 гг. нельзя не рассматривать, как своего рода прецедент, на котором базировались последующие определения сената: от 13 апреля 1744 г. о том, чтобы в Астрахани «Армянов, Индейцев, Бухарских, Гилянских и Архангельских дворов татар суд и расправу чинить по их законам и по прежнему обыкновению, дабы тем иноверцам к Астраханскому житию придать охоту»,¹ и от 5 августа 1746 г. относительно того, чтобы для всех вышеназванных «иноверцев» в Астрахани «учредить один Раствгауз и во оной в судьи выпорать самим людей достойных, по своему усмотрению».²

5. 9 сентября 1741 г. астраханский губернатор князь М. М. Голицын (1740—1741) нашел нарушение судебных формальностей в начатом в 1740 г. деле по иску индейца Жегатры Фатычандова, прикащика индейца Диалдаса Миламчандова, предъявленному к эриванскому армянину Григорию Иванову в уплате им 73 рублей, взятых в долг родственником Иванова, эриванским же армянином Никиртумом Яковлевым на двухмесячный срок, причем заемщик, кроме собственноручного заемного «на Армянском диалекте» письма, еще «отдал в заклад письма в 200 рублей на армянина Урана Абдулаева да в мешечке камня за своею печатью, написанные алмазами и изумрудами».³

¹ Полное собрание законов, т. XII, № 8919, п. 4, стр. 78.

² Там же, № 9311, п. 2, стр. 582; ср. М. Рыбушкин, цит. изд., стр. 66.

³ АГА, Приговоры князя М. М. Голицына за 1741 г. л. 433 и дал.

6. Ф. Ф. Шперк говорит, что кроме вражды между индейцами коммерсантами и ремесленниками, в Астрахани давали знать о себе враждебные чувства, какие питали друг к другу индейцы-купцы и нищенствующие индейские монахи. К сожалению, Шперк не приводит фактов и не вступает в объяснение причин.

О наездах в Астрахань индейского духовенства у нас имеются такие данные: 29 октября 1741 г. Астраханская губернская канцелярия, рассмотрев «доношение Индейских попов Адмерана да Вагар Даирапопова» и состоявших при них нескольких «каратунов», которые требовали отпуска «из Астрахани до Гиляни на морском Астраханского купца Лаврентья Иванова судне», и выведя на справку, что они «прибыли из Дербенту в Астрахань в нынешнем 741 году с данным от Дербентского командира паспортом», а об одном из каратунов, Девыцыне, «Астраханского Индейского гостинного двора торговой индеец Арамдас Жалцев „показал, что «Девыцын в прошлых годах, а в котором, подлинно сказать не знает, токмо тому ныне будет лет с десять, приехал из Персии, из Дербенту, в Астрахань и жил все на означенном гостинном дворе, а ныне де с помянутыми попы и каратуны обратно едет он, Девыцын, из Астрахани в Персию до Гиляни», а также удостоверившись в том, что «дела до означенных попов и каратунов никакого» не касается“, — постановила: «об отпуске от Астрахани до Гиляни дать им пашпорт по указу».¹

7. Подобное же постановление Астраханская губернская канцелярия вынесла 10 ноября 1741 г. по доношению «Индейского архиерея Жангираджа да торгового индейца Амрама», требовавших отпуска «из Астрахани в Персию до Гиляни на морском Астраханского купца Богдана Николаева судне». На справку было выведено: „вышеозначенные Индейской архиерей и Индеец прибыли в Астрахань в нынешнем 741 году в минувшем октябрье месяце на морских — архиерей у Тихона Лошкарева, а Индеец у помянутого Николаева — судах, по данным от Гилянского командира пашпортом, а дела до них, просителей никакого не касалось.“²

8. Быть может, в связи с неприязненным отношением торгового класса к нищенствующим индейским монахам надо поставить следующие два документа, свидетельствующие о том, что индейские коммерсанты, стараясь зарекомендовать себя сторонниками России, хотели воспользоваться случаем:

¹ Там же, 799 об., 800.

² Там же, л. 869 об.

политических осложнений между Россией и Персией, чтобы избавиться от этих монахов, досаждавших им в Астрахани своими проповедями. 7 февраля 1743 г., «торговой индеец Сухананд Дермуев¹ у тайного советника (В. Н. Татищева, астраханского губернатора) в разговорах объявил: шах де в Индии не малую себе пользу чрез шпионов получил, а более де в те шпионы употреблял их Индейских монахов или пустынников для того, что тем люди более везде верят, и их не задерживают, и о всем с ними не скрытно говорят, и простой народ их слушает, а сюда де таких Индейских и Персидских пустынников для милостыни приезжает не мало, и весьма от них опасно, чтоб каких плутней не произошло». Татищев придал серьезное значение этому сообщению и 22 февраля распорядился «для такой предосторожности писать ныне в Кизляр к бригадиру и коменданту князю Оболенскому, чтоб он о непропуске таковых пустынников накрепчайше по всем заставам подтвердил, а о том же хотя надлежит и в портах Персидских консулю Арапову и переводчику Братищеву дать знать, чтоб на суда их не принимать и сюда перевозить не велели, токмо без указа Коллегии Иностранных Дел учинить не можно, и для того в оную Коллегию представить доношением».²

Соответствующее доношение, основанное, очевидно, на информации Сухананд Дермуева, было сделано, и в результате его последовал указ от 7 мая 1743 г. Указ был секретный. К исполнению его, как видно из нижеследующего, Астраханская губернская канцелярия приступила в августе 1743 г.

9. «1743 года августа 9 дня, по указу ее и. в-ства, Астраханская Губернская Канцелярия приказали: по высочайшему ее и. в-ства указу от 7 числа мая сего года, имеющих здесь, по показанию Индейского гостинного двора старшин, Индейских пустынников 8 человек, а именно: Багвана Пурия, Удасы Баивасова, Жюги Севанатова, Диалдаса Баирачи, Гиял Дасабирачи, Балтура Сенации, Багжангира Сенасия, Цицендаса Баирачи — выслать из России за границу, и впредь их и других Индейских и Персидских пустынников в Россию не впускать, и на морские суда не принимать, и для выезда из России доставить пашпорты, о чем в Кизляр к бригадиру и коменданту князю Оболенскому и в Астраханскую Контору над портом, дабы при отпуске каждого судна за моря судовщиков о неприеме их к при-

¹ Тот самый, которого как мы видели, Менгден в 1727 г. отстранил от участия в со-
вещании компанейщиков по делу Ругната.

² АГА, приговоры, подписанные генералом Татищевым в 1742—1748 гг., № 11, л. 50.

возу в Россию на судах с подписками обязать, послать указы. А которые таковые ж пустынные явились два человека: один — Рампурей Сенациев приехал в Астрахань в 722 году, другой — Гусар Берин назад тому лет более двадцати, и здесь поженлись, и имеют свои дома и детей, и в подданстве ее и. в-ства присягу учинили, оных, яко подданных Российских, не выселять и жить (им) в своих домах по прежнему при Астрахани».¹

¹ Там же, № 40, л. 109.